

НАКАНУНЕ ВЕЧНОСТИ

Труд - 1994 - 29 сент. - 97

Малонизвестный эпизод из жизни Анны Ахматовой

Известный поэт Михаил Кви-
видзе, который в будущем году
справит свое 70-летие, — как бы
воплощение дружбы русской и
грузинской интеллигенции. Дол-
гое время Михаил Георгиевич
жил в Москве. О своих много-
численных встречах с корифея-
ми русской поэзии, о творче-
ском сотрудничестве с ними
Квивидзе может рассказывать
бесконечно. Но одна встреча
для него особенно памятна.
Произошла она в 1966 году, со-
беседницей грузинского поэта
была Анна Андреевна Ахматова.
— В пору моей юности, ко-
гда после известного ждановско-
го постановления книги Ахмато-
вой оказались под запретом, чи-
тать их приходилось тайком, —
рассказывает Михаил Квивидзе.
— Будучи сторонником пушкин-
ской традиции в поэзии, я вос-
хищался умением Ахматовой от-
крыть новый мир, не сворачивая
с пути, проложенного Пушки-
ным. На всю жизнь запомнились
строки: «Онегина» воздушная
громеда, как облако, стояла на-
до мной». Думаю, что лучше
сказать о пушкинском романе
нельзя.

Однажды во время поездки в
Польшу мне подарили сборник
Ахматовой. Помню, с какими
хитроумными предосторожно-
стями вез его в Москву, куда я

к тому времени переселился.
Ведь в книге был потрясающий ме-
ня запрещенный «Реквием».

К тому времени я уже был
избалован переводами моих сти-
хов такими поэтами, как Нико-
лай Заболоцкий, Арсений Тар-
ковский, тогда еще молодая
Белла Ахмадулина. Однажды я
узнал, что буквально рядом со
мной живет приехавшая пого-
стить на 3—4 дня в Москву Ах-
матова. Она остановилась у Вик-
тора Ардова, поэта-сатирика.
Узнав о таком фантастическом
соседстве, я не мог избавиться
от озорной мысли: предложить
Ахматовой подстрочкиники своих
стихов... Вдруг согласится пе-
ревести.

Я позвонил Анне Андреевне
по телефону, представился. Ска-
зал, что обожаю ее стихи, на-
просился в гости. Она назначи-
ла мне встречу. Голос Ахмато-
вой был удивительно молодым.
И вот я звоню в дверь... Поче-
му-то я ожидал увидеть тонень-
кую женщину с орлиным профи-
лем. И был буквально ошелом-
лен, когда дверь открыла круг-
лолицая, добродушная старушка
в валенках... Она сказала: про-
ходите, будем пить чай. Назы-
вала меня при этом юношей, что
было явным комплиментом. Пом-
ню, я сыпал именами известных
грузинских поэтов, а Анна Анд-

реевна как-то нараспев говори-
ла о своей любви к Грузии и ее
красотам. Я захватил подстроч-
ники и все мучился, размышляя,
как бы поделикатнее прибли-
зиться к этой теме.

Но вышло все очень просто.
Анна Андреевна вдруг спроси-
ла, с собой ли у меня подстроч-
ники. Я тут же разложил перед
ней листы. Она сказала, что сей-
час страшно занята, переводит
древнеегипетскую поэзию, но
все-таки принесла очки, устрои-
лась в кресле, стала читать. На-
конец отложила четыре стихо-
творения со словами: «Вот это
мое». Потом спросила, рифмо-
ванные ли это вещи. Я ответил,
что одно стихотворение рифмо-
ванное, остальные — белые сти-
хи. Это хорошо, сказала Анна
Андреевна, а то я боюсь вас ис-
казать. Через день Ахматова
попросила меня зайти.

Второй и последний раз был я
в гостях у Ахматовой. Рифмо-
ванное стихотворение было о
37-м годе (в конспиративных
целях я назвал его «Осенняя
песня»). Анна Андреевна спра-
сила, нет ли у этого стихотво-
рения другого названия. Пора-
женный ее прозорливостью, я
ответил утвердительно. И услы-
шал: что же вы сразу не сказа-
ли? Ахматова зачеркнула перво-
начальное название и написала:

«1937». Вот перевод этого сти-
хотворения, посвященного памя-
ти матери.

Женщина, уже немолодая,
зябко в мех полуистертый
дышит
и по тихой улице идет.
Ветер, сор к ее ногам

сметая,
лист газетный на стене
колышет.
Осень, осень... Потускнела
высь...

На ногах стоим, что ни
случись!
Беспощадно хлещет дождь
свинцовый.

Вот и вихрь сорвался
и задул.
Шепчутся кусты, полны
боязни.

Вихрь свирепо их к земле
пригнул.
Листья падают, как жертвы
казни...

Осень, осень... Грозное
ненастье...
Молча просит женщина
участья.

Мы распрощались. Анна Анд-
реевна уехала, а через несколь-
ко месяцев ее не стало...

Владимир САРИШВИЛИ,
соб. корр. «Труда».

ТБИЛИСИ.